

**«Круглый стол Экспертиза»  
«Демографические проблемы в контексте модернизации  
российского общества»**

Заместитель директора Института  
демографии НИУ «Высшая школа  
экономики» С.В.Захаров

**ДОКЛАД**

Во-первых, я признателен за то, что Горбачев-Фонд нашел возможность пригласить демографов, чтобы обсудить демографические проблемы. Я не знаю – обсуждались ли они прежде в этих стенах – в рамках Экспертного стола или вообще каким-то образом. Надеюсь, что этот первый опыт не станет последним. Потому что действительно проблемы серьезные, а самое главное – они очень политизированные. И, видимо, сегодняшняя наша встреча - ваша реакция на то, что происходит в публичном дискурсе на всех уровнях. Без сомнений демографическая тема в центре российского общественного мнения и принимаемых политических и экономических решений.

Я готовился к более широкой публике, а вижу здесь знакомых людей, и многие вещи, которые я буду демонстрировать, им хорошо знакомы. Что ж, я смогу сэкономить время, не повторяя известные специалистам положения. Но все-таки, придется мне и им кое о чем напомнить. Моя презентация состоит из некоторой теоретической части, эмпирической части и дискуссионной части.

Что касается теоретической части, то все-таки я хотел бы немножко поговорить о модернизации. Потому что было время, когда это понятие редко использовалось (в советский период), потом оно стало настолько популярным, что все, кому только не лень, говорили про модернизацию.

Сейчас «модернизация» опять попала под явное табуирование со стороны верховных идеологов. Сейчас практически никто из руководства не говорит про социальную модернизацию и даже с осторожностью упоминают про необходимость внесения в жизнь общества инициативных, инновационных моментов. Теперь в моде «консерватизм». Однако суть демографической модернизации как составной части общего модернизационного процесса, не зависит от нашего к ней отношения. Даже в профессиональной среде остается некоторое недопонимание, что такое демографическая модернизация.

Что бы я хотел сказать в первую очередь? Любая модернизация общества по мне (и тут я разделяю широко распространенную точку зрения) – это в первую очередь модернизация социальных институтов, причем модернизация социальных институтов в самом широком смысле слова в ответ на некоторое изменение в социально-экономической реальности.

Поэтому когда мы говорим и ставим вопрос: является ли демографическая модернизация необходимым условием модернизации российского общества (это из предложенного списка с вопросами для дискуссии), то, вообще говоря, этот вопрос не совсем корректный. Так же, как невозможна модернизация российского общества без демографической модернизации, так же невозможно и обратное. То есть это сильно взаимодействующие стороны социальной реальности.

Если меняются базовые социальные институты (происходит какая-то модернизация), то это автоматически касается и тех институтов, которые связаны с регулированием демографических отношений и поведения людей в демографической сфере. Таким образом, демографическая модернизация – это одновременно и следствие, и одна из главных причин, и движущих сил модернизации общества. Об этом тоже часто забывают. Очень часто (я буду еще, может быть, к этому несколько раз возвращаться) рассматривают демографические процессы – на численном, количественном уровне – только

как некую ресурсную базу для достижения чего-то еще, каких-то целей, более высоких и важных.

Как раз с этим подходом наш научный коллектив, наша группа единомышленников борется уже очень много лет. В нашей большущей коллективной монографии - «Демографическая модернизация России за сто лет», подготовленной под руководством А.Г.Вишневого - об этом и говорится – о том, что этот подход к демографическим процессам как ресурсной основе для какого-то другого развития, для какой-то другой модернизации в корне неверен. Потому что, по сути, демографическая модернизация, понимаемая расширительно, выходя за границы количественных пропорций и соотношений, это и есть модернизация общества. Если бы не изменилось бы отношение к смерти на массовом уровне, индустриальное развитие было бы невозможно. Подразумевается, что и модернизация общества, его социальных институтов, неизбежно влияет на функционирование демографической подсистемы.

С другой стороны, нельзя забывать, что демографическая подсистема обладает определенной автономностью от экономической, политической и прочих подсистем общества. Она имеет составные, взаимодействующие элементы и собственные законы самоорганизации, развития, адаптации к меняющейся реальности. Это ее важные характеристические свойства как сложной системы. Будут вопросы – потом, если надо, я могу эти положения доказывать и развивать.

Многим известно, что демографическая подсистема общества обладает высокой степенью инерционности, несмотря на то, что внешние признаки ее функционирования зачастую проявляются как колебания демографических коэффициентов. Поэтому к ней нельзя подходить «со шприцом», только замеряя время от времени ее температуру, которая, в определенных пределах, естественно меняется... Целенаправленно изменить градус туда, сюда (однократным приемом сильнодействующих лекарств), «подправить

демографию», как часто говорят – практически невозможно. Мы можем что-то сиюминутно предпринять, и даже усилить колебательную волну демографических процессов, но фундаментальные взаимосвязи и закономерности в этой подсистеме мы быстро менять не можем. Это такое свойство данной системы, в которой изменения происходят от поколений к поколениям, а не по календарным годам. Хотя, конечно, на какие-то воздействия эта система отзывается, и, бывают, немедленно (голод, война, например).

Как социальная подсистема она либо расширяет, либо ограничивает возможности для общего развития общества и модернизации его институтов. Поэтому в принципе можно ставить так вопрос: в какой степени та демографическая реальность, те демографические процессы, те структуры населения в какой степени способствуют тому, что будут призваны к изменению другие социальные институты и подсистемы в обществе.

Конечно, модернизация, как часто думают, когда смотрят на демографические процессы, - это изменение некоторых параметров его режима – рождаемости, смертности, включая, допустим, и миграцию, а также возрастных структурных соотношений. Конечно, это важно, это есть. Но модернизация всей этой системы - это в первую очередь модернизация социокультурных регуляторов, базисных демографических отношений, определяющих массовое демографическое поведение. Именно в изменении социальных (демографических) институтов, регулирующих отношение к жизни и смерти – суть модернизации, а не только в том, что рождаемость стала, скажем, сейчас в три с лишим раза ниже, чем была в XIX веке, или продолжительность жизни увеличилась в два раза за сто лет.

Главное, почему это стало возможно. Демографические показатели - это только индикаторы изменений в системных отношениях. Изменения в рождаемости, в смертности - это есть индикаторы того, что меняются внутренние механизмы регулирования поведения человека в этой базовой

сфере жизнедеятельности. Демографические отношения, которые, прямо по Марксу, можно сказать, являются базисными, независимыми от нашего сознания или осознания, реально существуют, развиваются и вырабатывают свои инструменты регуляции, отвечающие тем или иным условиям. Одновременно меняются все социальные институты. Кстати говоря, хотим мы этого или не хотим. Другое дело, что государственная политика с ее инструментами какую-то роль играет в модернизационном процессе, но, уверяю вас, весьма второстепенную.

Тогда к чему сводится роль политики? Демографическая модернизация – это (я уже сказал) изменение принципов детерминации социально-демографического поведения людей. В чем заключаются эти изменения?

Первое и главное - замена внешней нормативной детерминации (предписаний, запретов), характерной для традиционного общества, и оставляющей немного свободы выбора для человека, индивида, его семье: жить, не жить, умереть, не умереть, родить столько-то, вступить в брак тогда-то и т.д. Внешняя детерминация постепенно уступает место внутренней детерминации на индивидуальном уровне, за которой стоит конкуренция самых многообразных, меняющихся потребностей и ориентаций, и меняющаяся система ценностей.

Общество же и государство, тоже надо сказать, не очень свободны в выборе своих приоритетов в отношении политики, в том числе и в демографической сфере. Можно что-то захотеть, но в реальной практике и то, как они могут воздействовать на демографические процессы, государства весьма и весьма ограничены. Конечно, государственная политика способна ускорять или тормозить демографическую модернизацию, но никогда в истории этого не было и едва ли это когда-то будет, чтобы она отменила модернизационные, эволюционные процессы. Потому что, я повторяю, они заложены во внутренней логике саморазвития демографической системы, как базисной подсистеме по отношению к обществу, к его экономике и политике.

Способно ли государство развернуть вектор ее развития? Например, сделав семьи многодетными в постиндустриальную эпоху, когда постиндустриальное общество стало возможным только после перехода к малодетной городской семье?

Все эти креационистские попытки создать по заданию «сверху» нового человека, в том числе и нового демографического человека с новым демографическим поведением... Конечно, здесь мне скажут, что модернизация может быть «сверху», «снизу», может быть и «абортивная модернизация». Я не теоретик в этом вопросе. Здесь сидят люди, которые все эти слова знают. Какие дискуссии по этому поводу ведутся, тоже знают.

Я хочу только здесь отметить, что в истории не было никогда такого, чтобы некая государственная политика полностью бы отменяла эволюционные законы внутренних изменений демографических процессов, как, впрочем, кстати, и миграционных процессов. Хотя миграция, безусловно, более управляемый процесс. Но исторический вектор развития взять и повернуть вспять нельзя и в этом случае. Утопией представляется массовое переселение жителей крупных агломераций в маленькие города и умирающие деревни. Хотя в истории такие безуспешные попытки неоднократно предпринимались.

Теоретическую часть, пожалуй, можно закончить следующим. Сейчас много говорят о том, что нужно поднять многодетную семью на пьедестал. Я позднее приведу цитату на этот счет из выступления Путина с отчетом о деятельности правительства, когда он еще был премьером в 2012 году.

В контексте того, что я сказал: если мы делаем ставку на якобы более «высокие» моральные и духовные ценности традиционного общества и пытаемся их каким-то образом подкрепить и усилить, то мы должны понять, от чего тогда мы должны будем отказываться. Абсолютно невозможно массовую многодетную семью впихнуть в те реальности бытия, которые сегодня уже есть и будут в обозримой перспективе. Значит, мы должны что-

то поменять во всем остальном за пределами демографической сферы. И тогда от чего мы будем отказываться? Допустим, от промышленного развития мы готовы отказаться? Мы должны будем вернуться в сельское общество, где многодетная семья только и могла иметь хоть какой-то смысл. От городского образа жизни? От образования? От роста потребления? От улучшения жилищных условий? От разностороннего развития человека? От гендерного равноправия? От чего мы готовы отказаться?

Вообще говоря, российское общество не демонстрирует, что оно с легкостью может от этого отказаться, полагая, что все-таки это все нужно. Мне очень часто говорят так: а вот у моего друга, знакомого трое детей. Он ездит на машине. А вот у кого-нибудь бизнесмена, политика или артиста, или, напротив, в какой-нибудь бедной семье тоже много детей и т.д. Они все-таки **ВЫБИРАЮТ...** Так это и есть демографическая модернизация, которая привела к тому, что человек имеет право на выбор. Находится место и осознанному выбору в пользу многодетных семей. Лишить современного человека права на выбор, ограничив в ту или иную сторону, - практически нереально. В теории, по крайней мере. Исторический опыт также не показывает возможности таких взаимообратных движений. Кроме того, высокая рождаемость в прошлом сочеталась с высокой смертностью (выживал лишь каждый второй ребенок), а в условиях современной низкой смертности массовая многодетность приводит только к бедности и сужению перспектив для социально-экономического развития.

**Ранжирование демографических вызовов.** Давайте посмотрим на структуру нашего общественно-политического дискурса: какие темы, какие демографические проблемы обсуждаются. Здесь я их как бы отрейтинговал. Конечно, это мое экспортное мнение, может быть, кто-то переставит местами какие-то позиции. Больше всего говорят о депопуляции – сокращении численности населения. Это вообще общая проблема для многих развитых стран. Низкая рождаемость – это общая проблема для большинства развитых

стран, не для всех, но для подавляющего большинства. Иммиграция – это общая проблема для всех развитых стран. Абсолютный и относительный дефицит рабочей силы – общий для всех развитых стран. Высокая смертность – специфична только, пожалуй, для России в такой обостренной проблемной постановке вопроса. Но ведь эта проблема стоит в рейтинге российского дискурса очень низко, хотя это одна из действительно специфичных для России проблем на фоне всех прочих. И, наконец, старение населения, хотя это, на мой взгляд, наиболее серьезная проблема, которую надо было бы обсуждать больше всех остальных, потому что именно процесс демографического старения определяет будущее нашего общества. Мы будем меняться – наша экономика, отношения между людьми, политические институты, все социальные институты будут модернизироваться, хотим мы этого или нет, в связи с этим – на вызов старения, в ответ на социальные, экономические и политические последствия этого глобального процесса. Хотя об этом как раз говорят, на мой взгляд, меньше всего в России. То, что мы будем жить в другом обществе, с другой экономикой, с другой политикой, с другими отношениями между поколениями, все еще не осознается, недооценивается даже на уровне экспертов. Общество, где будет 35% лиц старше 60 лет, – это совсем другое общество, с другим электоратом, и другая экономика.

Я немного проиллюстрирую сказанное некоторыми картинками.

Угроза депопуляции. На экране – последний прогноз Росстата. Но надо сказать честно: мы (сотрудники ИДЕМ НИУ ВШЭ) в подготовке прогноза тоже принимали участие, поэтому можно сказать, что это и наш прогноз, хотя он был чуть-чуть подкорректирован в угоду политики, но уже не нами, а теми, кто принимал окончательный вариант прогноза, который опубликован.

Возможности для роста населения по верхнему варианту прогноза остаются, но и средний, и, тем более, низкий вариант нам все-таки готовят сокращение численности населения. Но что за этим верхним прогнозным



вариантом стоит? Если мы посмотрим на естественный прирост и сальдо миграции, то понятно, что этот верхний сценарий с ростом численности населения может быть осуществлен только при очень значительной миграции. Никаких других возможностей для перехода к этому достаточно оптимистичному росту нет. Да, конечно, при каком-то высоком варианте – особо благоприятном с точки зрения рождаемости и смертности – возможны какие-то колебания вокруг одного и того же уровня нынешнего года. Но, поверьте, за оптимистическими сценариями рождаемости и смертности стоят маловероятные, на наш взгляд, достижения. Мы же сами конструировали сценарии и знаем, что за ними стоит: приблизиться к уровню Швеции и Франции в ближайшей перспективе по рождаемости, а по продолжительности жизни чуть ли не догнать самые передовые страны мира.

Неизбежно сокращение численности в трудоспособном возрасте, в ближайшей перспективе – на 10-12 миллионов минимум. Одновременно примерно такое же - до 10 миллионов - повышение численности лиц старше трудоспособного возраста. Это прямой вызов для экономики, для перераспределительной системы, системы налогообложения и т.д. Нагрузка на занятых будет просто сумасшедшей. А мы говорим сейчас о повышении рождаемости, которая ничего не внесет в решение этой проблемы, а более того эту проблему усугубит, если будет даже умеренными темпами продолжаться повышение рождаемости (понятно почему).

Вызов иммиграции - реальный в связи с этим, поскольку без миграции трудно себе представить и рост экономики, и снижение демографической нагрузки на экономически активное население. Вследствие миграционного прироста, соответственно, будут меняться структурные соотношения в населении: тех, кто родился в России (и их потомков), и тех, кто приедет в Россию. Понятно, мы будем жить не только в демографическом структурном отношении в другой стране, но при этом в абсолютно другой культурной среде – это просто неизбежно. Поэтому нужно каким-то образом готовиться

к этой жизни. А у нас больше всего ажитаций вокруг рождаемости. При этом совершенно не понятно, откуда эта ажитация берется. Вот если мы посмотрим показатели, которые много раз присутствующие здесь специалисты видели, то увидим, что Россия относится к странам с относительно более низкой рождаемостью, чем в Швеции, Франции и США. Но, во-первых, это не критические различия, а потом стран с российским уровнем рождаемости очень много.

Я думаю, что реальный уровень рождаемости в России примерно средний для развитых стран и никакой спецификой не обладает. Хорошо, вот у нас сейчас политика по стимулированию рождаемости, все пишут бурном росте и большом эффекте политики. Этим слайдом я показываю, что сейчас о каких-то долгосрочных эффектах политики в отношении рождаемости говорить не приходится, потому что среднее число детей на женщину, рожденную в некотором году, к возрасту 50 лет пока не поменялось, т.е. итоговая рождаемость реальных поколений не повысилась. Пока, скорее, имеет место тенденция к снижению или, в лучшем случае, к стабилизации. Несмотря на очевидный рост годовых показателей, истинного роста рождаемости пока не видим. Система так реагирует часто. Вслед за инновациями в политике происходит какой-то всплеск, потом компенсаторное падение, которое может отбросить еще дальше назад, потому что это спровоцированное воздействие было внешним, не подкрепленным изменениями внутри демографической системы. Идеальные представления о размере семьи не изменились, нет этому доказательств. Пока я, как специалист, который много занимался рождаемостью, не могу сказать, эффективна ли проводимая сегодня политика, даже исходя только из инструментальных критериев: она что-нибудь изменила в уровне рождаемости или нет.

Повторяю: 2012 год может стать последним или «самым успешным» в смысле реагирования на меры по стимулированию: поживем - увидим, но

принципиальных изменений пока в рождаемости нет. О каких мерах много говорят? Часто полагают, что за «ростом рождаемости» в России стоит всем известный «материнский капитал», который больше всего пропагандируется, хотя я, как специалист, напомню - многие у нас забывают об этом: значительно повысились пособия для женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, в несколько раз. Вообще говоря, много денег было влиито и по другим направлениям, поэтому чисто материнский капитал выделить из этой системы крайне непросто.

Допустим, мы берем только материнский капитал, потому что об этом Президент и правительство часто говорят как об основном инструменте стимулирования. Сейчас идет активная дискуссия, что с ним делать дальше. Вообще говоря, будущая экономика перспективы активного наращивания инвестиций в демографическую политику не выдерживает, поэтому имеется сильная озабоченность на этот счет. К концу 2011 года было выдано 3 миллиона этих капиталов (сертификатов) приблизительно стоимостью 11 тыс. американских долларов каждый. Это примерно 7 миллиардов долларов США - обязательства, которые государство на себя взяло. Для сравнения: это 2,4% от общего объема государственных затрат в 2011 году, или другое сравнение: на все образование в стране тратится менее 5% (4,9%), то есть затраты на материнский капитал – равноценны половине государственных затрат на все уровни образования. Речь идет об огромных деньгах, и пока не очень понятно, во что инвестированных, на какие цели, зачем. Демографический результат от этого решения весьма сомнительный, но обязательства взяты. Поймите: государство навесило на себя очень серьезную гирю социальных обязательств, и не очень понятно, что оно хотело этим достичь.

К счастью, для финансовой системы пока только 26% этих выданных сертификатов востребованы обладателями. Очень мало. Триллионы рублей в Пенсионном фонде висят – не очень понятно, что с ними делать. Те 26%, что

востребовали деньги, нашли возможности их либо просто обналичить, либо потратить на улучшение жилищных условий. Никто в образование детей этот капитал, естественно, не понес. Они не стали их в накопительную пенсионную систему вкладывать, что разумно, и, тем более что сама накопительная система сейчас может умереть неестественной смертью. Кто-то смог что-то сделать в отношении своего жилища. Но даже официальное число улучшивших жилищные условия завышено, потому что, по оценкам, примерно от четверти до трети всех этих капиталов, которые были якобы потрачены на улучшение жилищных условий, просто прошли обналичку. И сейчас Интернет все больше и больше полнится подобной информацией.

А это та цитата, которую я обещал из Путина: «Крепкая благополучная многодетная семья – вот вокруг чего следует объединить усилия государству, обществу, религиозных организаций, отечественное просвещение и культуру». Вообще все мы должны сгрудиться вокруг того, чтобы создать эту многодетную семью, чего вообще не было в истории. Замечу, что многодетной семьи как массового феномена не было никогда в истории развитых стран, в том числе и в России. Если будут вопросы, почему ее никогда не было – отвечу, но профессионалы знают, о чем я хочу сказать. Итак, того, чего не было, вдруг мы начинаем создавать в условиях, в которых это неприемлемо. Это противоречит модернизации демографической и модернизации общества в целом.

Про смертность в России здесь найдется, кому рассказать.

Последний слайд. Конечно, демографическая политика нуждается в новой парадигме. Пока, к сожалению, мы это обсуждаем междусобойчиком, потому что попытки выйти на более широкое обсуждение наталкиваются на жесткое противодействие «сверху», поскольку воспринимается как противостояние существующему политическому режиму. Идеология сегодня вновь у нас в почете, и она становится принципом организации экспертного сообщества.

Какая же демографическая политика, ориентированная на будущее, нам нужна? Ну, конечно, нужно отказываться от ресурсного, инструментального, чисто количественного подхода к демографической сфере: производства солдат, работников, от всех этих вещей... Предлагаемая альтернативная концепция политики не такая уж и новая, она давно витает в умах, в литературе, она пришла из некоторых известных экономических концепций. Это концепция «сбалансированного человеческого капитала». На ее основе разрабатывается совершенно другая система мер и ориентиров, отвечающих запросам XXI века.

Поясню на конкретных примерах, чем отличается традиционная демографическая политика от того, что предлагается как политика сбалансированного капитала.

Всем понятно, что совмещение труда и семейных обязанностей, особенно для женщин, это один из критических моментов, который влияет на принятие решений о детях, о семье и т.д.

Традиционный подход - увеличить материнский отпуск (до 5 лет), оплачивать его, чуть ли ни как «общественно-полезный труд» по воспитанию детей в семье также, как и занятым в государственной сфере обслуживания.

Нетрадиционный подход – нужно развивать все формы гибкой занятости, не выводя женщин с рынков труда, тем самым решая проблемы и развития самого человека, и его социальных потребностей, и проблему экономического благополучия семьи и т.д. Два совершенно разных ответа из двух разных политик. Например, давать пособие на третьего ребенка больше, чем на первого (или на первого вообще не давать) – противоречит идее развития сбалансированного человеческого капитала, потому что получается, что каждый ребенок почему-то неравноценен (дети нужны для чего-то, для кого-то). Сейчас принято положение о том, что будут выплачивать дополнительное пособие, чуть ли не материнский капитал, за третьего ребенка и устанавливать другие льготы в регионах, в которых показатели

рождаемости ниже среднего для России уровня (список таких регионов висит на сайте Минтруда). Это чушь полная, потому что таким образом мы не только оцениваем в разных деньгах детей различной очередности, но еще и в разных деньгах оцениваем детей, проживающих в различных регионах (здесь нам дети нужны, а здесь - не нужны). Да и потом спорна сама «технология» выделения «нужных» регионов для проведения активной политики...

Поиск новой концепции для политики, мне кажется, - это главный на сегодня вопрос.

**Е.С.Герасимова.** Елена Герасимова – директор Центра социально-трудовых прав.

Видимо, я отношусь к тому меньшинству, которое не понимает, почему не было никогда многодетной семьи, потому что в моем представлении XIX век – действительно большие семьи. То есть это не так?

**С.В.Захаров.** Вот книжка - «Демографическая модернизация России за 100 лет». Она была выпущена в 2006 году. Над ней работал очень большой коллектив, и я только один из соавторов. Там Вы найдете ответ на ваш вопрос, но коротко все же отвечу.

Многорождаемость не означает многодетность. Даже в условиях России из среднего числа 7,7 рожденных детей (живорожденных) - а это означает, что каждая вторая женщина рожала более 7-8 детей в жизни - выживало в лучшем случае 3-4 до возраста, когда дети могли иметь экономический смысл (хотя бы до 13 лет). Относится ли семья, в которой трое-четверо детей, к многодетной семье – не знаю, но, вероятнее всего, что нет. Демографы такой размер семьи называют среднететным. Часто пишут, что в прошлом был экономический смысл во многих детях, но это тем более спорно.

Понимаете, когда вокруг дети маленькие, все время рождаются и умирают, большого экономического смысла в этом нет. Ребенок, в котором родители могут быть заинтересованными как в экономической единице,

должен достигнуть некоторого возраста. Например, когда мальчик начинает вести за вожжи быка или лошадь, когда отец пашет, а девочка – когда она в состоянии хотя бы у люльки дежурить или мыть полы, посуду. Это 12-13 лет. До этого возраста лишь половина детей доживала, а до возраста вступления в брак - еще меньше.

А в западном мире давно историками были проведены фундаментальные исследования, и по результатам там были долгие споры. Нуклеарная, т.е. *не* многопоколенная семья всегда составляла основу, то есть супружеская пара с детьми – она всегда представляла большинство семей. Даже в России, где многопоколенные семьи имели бóльшее распространение в силу специфики наших земельных отношений, прав на землю и пр., они далеко не так широко были распространены, как это часто представляется.

Здесь имеется определенное недопонимание, когда речь идет о высокой рождаемости, не ограниченной на внутрисемейном уровне, и о возможностях людей (как раз немодернизированных) управлять, воздействовать на эти процессы. То есть когда люди жили по принципу: Бог дал – Бог взял (ценность маленького ребенка близка к нулю), люди несильно переживали, если ребенок умирал, не дожив даже до 1 года (а это происходило в каждом третьем случае!).

Когда начинается реальная многодетность? К примеру, это близкая к нам Средняя Азия, потому что там сначала за счет заимствованной модернизации (антибиотики и прочие способы борьбы с болезнями и смертями), смертность удалось быстро снизить. И начали выживать те дети, которые при прочих традиционных условиях просто умерли бы. И вот тут начинается реальная многодетность. Это не только Средняя Азия, это Африка и другие страны «третьего мира». И вслед за появлением реальной многодетности начинаются серьезные проблемы, с которыми не может справиться весь мир – это голод, нехватка ресурсов и т.п. (вспоминаем Мальтуса). Соответственно – если начинаются изменения в смертности,

безусловно, рано или поздно начинаются изменения в рождаемости, которые, могут быть ускоренными какой-то политикой или заторможены, но они неизбежны. Просто общество должно модернизироваться, выйти на другую ступень организации в ответ на изменения в демографической системе.

**А.В.Рябов.** Спасибо.

**О.М.Здравомыслова.** Можно еще один маленький вопрос?

Можно ли сказать, что нынешняя демографическая политика в отношении, в частности, рождаемости состоит в том, что, во-первых, идеологическая опора на традиционную семью плюс чисто денежное, материальное стимулирование рождаемости?

**С.В.Захаров.** Да, это так. Во-первых, это антимодернизационная политика в любом случае. Причем не только семейная политика, но и многое другое, что вокруг этого. Политика опирается на представление определенных слоев о том, что российское общество до этого испытывало демографические проблемы, потому что оно, в частности, переживало кризис традиционных семейных ценностей и пр.

Поэтому вывод какой? Мы должны попытаться «возродить» традиционную семью, скрепить ее духовно... сейчас уже такие слова произносятся, что просто ужас («скрепы» и т.д.). И более того – с опорой на денежно-материальное стимулирование. Это тоже весьма и весьма антимодернизационный подход. Потому что в современном обществе при принятии решений о детях, мы, действуем с оглядкой, в первую очередь, на свои собственные возможности, и в последнюю – на пособия. Мы стараемся сами формировать свои заработки. Восстановление системы тотального государственного патернализма едва ли перспективный путь. Кроме того, формирование семейных ценностей и приоритетов в отношении выбора числа детей и форм семейной жизни слабо зависит от простого вливания государственных денег. Общество наше, конечно, еще не



постматериалистическое, но не настолько материалистическое в семейных делах, как многим представляется.

И, наконец, еще один аргумент. Вся политика, которая относится по своим принципам к традиционной демографической и семейной политике, от которой, я уже говорил, пора отказываться, была построена ведь до войны. По сравнению с политикой, которую проводил Муссолини (я уже выступал где-то на эту тему), ничего нового не было изобретено. Все эти меры тогда были изобретены... Муссолини был великим практиком демографической политики, он этими вопросами очень интересовался. Он создал мощнейшие демографические и статистические научные институты, финансировал исследования. Но с другой стороны – он же и требовал от провинциальных администраций отчетов по уровню рождаемости, по уровню смертности и показателям миграции. И отпуска по уходу за ребенком, пособия многодетным семьям, награды – все было при нем. Франко также чуть добавил в этом отношении.

А Сталин был в известной степени плагиатором, потому что до того, как меры вводились в нашей стране (заперт аборт, налог на холостяков и малосемейных, семейные пособия и пр.), – они уже были опробованы похожими режимами в других странах. Кстати говоря, тогда политика государственного вмешательства в частную жизнь под прикрытием морализаторской риторики, под знаменем возрождения «истинной духовности» и «патриотизма» была довольно распространенной болезнью по всему миру. Едва-едва ей удалось не переболеть скандинавским странам. В Швеции тоже были такие попытки, но она удержалась, а вот, Франция не устояла. Особенно правительство Виши усердствовало в проведении той же политики. И в Японии было многое из того, что было в Европе. Поэтому сколько можно апеллировать к системе, которая заведомо тормозила, а не ускоряла позитивные социальные и демографические изменения. Надо думать о чем-то другом. Уже пора. Семейная политика везде изменилась с

тех пор: и французская политика, и шведская. Сейчас одну из лучших концепций семейной политики предложили, к примеру, словаки. Все больше стран пересматривают ее базовые принципы.

**А.Г.Левинсон.** Скажите, пожалуйста, из таких почти бытовых наблюдений – те, кого называют средним классом (я не солидаризируюсь с этим названием), кажется, принимают установку на два и больше ребенка. Это верно или это иллюзия?

**С.В.Захаров.** Вы знаете, здесь я пока бы поостерегся, но вообще подобные наблюдения имеются. И это, кстати, не очень удивительные вещи.

Я хочу заметить, что во многих странах уровень рождаемости по уровню образования мало отличается. Более того, зачастую рождаемость у лиц с высшим образованием становится выше, чем у лиц, не имеющих хорошее образование (это к вопросу о «среднем классе»). По этому поводу даже есть определенные теории, но я не хотел бы их сегодня пересказывать. Вообще говоря, идеальная модель двухдетной семьи никуда не исчезла. Единожды сформировавшись... в результате демографического перехода от нерегулируемой к регулируемой рождаемости на внутрисемейном уровне. Что такое в идеале «двое» детей? Всегда будут те, кто имеют детей больше двух. В определенных пропорциях это будет. Но одно дело ориентация, а другое – жизнь. Поэтому те страны, те общества, которые создают условия, благоприятствующие для реализации идеальной модели двухдетной семьи, господствующей повсеместно в развитом мире, имеют и более высокую долю семей с числом детей «2 плюс».

Согласно последним опросам 2011 года по России (действительно был большой опрос): 2,1 ребенка - желаемый размер семьи для россиянина. Не слишком он отличается от опросов полувековой давности. Имелись какие-то структурные подвижки в рождаемости, в ее фактическом уровне, но, желаемое число детей остается прежним. Какая-то часть семей будет иметь и троих детей. Насчет тенденций у среднего класса надо еще проверять.

Но если такое случится, что российский средний класс лучше реализует «желаемую модель», то ничего удивительного в этом не будет, поскольку, к примеру, во Франции или в Швеции средний класс, действительно, ориентирован как минимум на 2-х детей. Но при этом если вы посмотрите, сколько семей у них имеет 4–5 детей, то увидите, что это статистически малозначимая величина. Потому что это уже выходит за рамки существующих представлений об идеальном числе детей.

**С.В.Захаров.** Еще один маленький комментарий.

Алексей Левинсон говорит именно то, что подтверждает мои соображения. Вообще изменение институтов, которые регулируют наше базовое поведение, в том числе и в демографической сфере, далеко не всегда связано с деятельностью государства, иницируется государством. Здесь вообще роль государства, мне кажется, минимальна. Имеется саморегулирующийся механизм, адаптирующий поведение людей к меняющейся реальности, который в принципе должен сам сработать и вывести нас из этой ямы.

**С.В.Захаров.** В ответ на тезис о сбережении народа и о политике хочу привести исторический пример о том, как взаимосвязаны базовые демографические процессы, политика и модернизация институтов и систем. Как известно, Италия вторглась в Эфиопию, в Северную Африку в свое время по одной простой причине. В Италии произошел демографический взрыв в результате снижения смертности, которое происходило очень активно в конце XIX века.

Как известно, Соединенные Штаты резко пополнялись итальянскими мигрантами, которые просто бежали от безземелья и от того, что им нельзя было найти работу и пр. Приподнятая крышка – эмиграция – стравливала излишний пар в итальянском котле на начальном этапе демографического перехода до тех пор, пока Америка просто не ограничила резко итальянскую

миграцию. Там были приняты соответствующие законы, а правительство Италии не смогло договориться с правительством США о квотах.

Возник вопрос: что дальше делать. К этому моменту Дуче и другие активно писали о том, что единственное, чем богата Италия, - это своей рождаемостью. Буквальный тезис. Всего остального у нас нет. У нас нет ресурсов, нефти, нет ничего, но зато у нас есть высокая рождаемость. Отсюда возникла, собственно, и Эфиопия, и Северная Африка, где должны были колонизироваться новые земли «империи». Колонистов туда посылали, давали им завоеванную землю – они там выращивали пшеницу, разводили скот и пр. В общем, была колонизационная, экспансионистская политика, вызванная переходными процессами в базовой для общества демографической сфере.

Причем переселенцам давались пособия, подъемные, рекрутировалось население из бедных регионов с аграрным перенаселением. Политика была очень затратная в денежном смысле, но казалась руководству эффективной. Однако выяснилось вскоре, что переселенцев не очень-то сильно ждут. Надо было воевать. И потом еще и защищать эти колонии, которые возникали. Серьезная была борьба. И не сразу Италии удалось победить. Нужны были все новые солдаты. На фоне этого снижалась рождаемость. Все это активно обсуждалось политиками и специалистами. Муссолини детально вникал во все вопросы. Стало ясно, что нужно много солдат и надолго. В результате - принципиальное изменение политики. Если до этого говорилось о том, что у в Италии и так высокая рождаемость, ничего делать не надо, то потом выяснилось, что она падает как раз именно тогда, когда нужно, чтобы она повышалась. Стали возникать соответствующие социальные институты – проводники мер по стимулированию рождаемости.

Интересен и такой исторический урок. В Италии в военный период обострилась нехватка мужской рабочей силы, начала интенсивно увеличиваться женская занятость. Соответственно встал на повестку дня

известный вопрос о совмещении трудовой деятельности с семейными обязанностями. Известен, в частности, скандал, который разразился по поводу телефонисток. Работодатели подписывали с ними договоры о том, что они не должны выходить замуж, они не должны беременеть, не должны рожать детей. Однако к тому времени уже начала проводиться политика по стимулированию брачности и рождаемости. Телефонистки подняли большую бучу. Это дошло до дуче. Муссолини был вынужден разруливать эту ситуацию лично. Он нажал на Министерство связи, чтобы они давали женщинам декретные отпуска, чтобы они оплачивались в том же размере, как и другим работникам. И, наконец, вслед за этим возникли и детские садики для этих телефонисток. Что это – модернизация сверху, снизу? Я думаю, здесь есть и то, и другое. Но главное – есть некий вектор.

Мы все время возвращаемся к одним и тем же проблемным вопросам, но никак не сойдем с рельсов прежних представлений и действий, которые ведут в тупик. Это к вопросу о сбережении людей, нашего народа. Нужно понимать, что одно дело, когда были излишки народа, и, соответственно, можно было колонизировать территории и вести войны. Но когда, нет тех дополнительных людских ресурсов, порожденных демографическим переходом, нужно думать о каких-то других приоритетах. Но посмотрите, как у нас сейчас и внешняя, и вся политика выглядит. Совсем не демографически. То есть мы сейчас все больше себя окружаем врагами, с одной стороны. С другой стороны, мы активизируем те программы экономического развития, на которых уже давно, казалось бы, был поставлен крест в силу их трудозатратности.

Не так давно известная Программа 2020 и долгосрочный Прогноз экономического развития (может быть, кто-нибудь знает) анализировались сотрудниками Высшей школы экономики. Нам это тоже спустили, чтобы мы посмотрели на Прогноз как демографы. Я так и не понял, какими людскими силами это «планов громадьё» будет выполняться. Вся эта программа

совершенно не сбалансирована по трудоресурсному балансу и вообще в смысле перспективных демографических оценок. Потому что, если сложить все запросы и максималистские идеи, которые есть у отраслевых ведомств (там еще Минобороны был слабо представлен, было бы интересно более подробно и на их планы посмотреть)... нам надо какую-то другую страну иметь, с другим населением, чтобы реализовать планы «великих строек». Я боюсь, нам не хватит даже тех потенциальных мигрантов, которых мы можем получить из нашего южного подбрюшья.

Понятно, что экономику надо развивать, но все-таки в каком-то другом направлении. И если мы так будем плохо оценивать наши потенциальные ресурсные, демографические балансы и апеллировать к тому, что давайте, бабы, рожайте нам третьих детей, из которых мы потом будем делать солдат и рабочих для сибирских строек, я думаю, что это может быстро закончиться настоящей катастрофой для нашей страны, так же как это уже неоднократно трагически заканчивалось в мировой истории.